

УДК 882/413

Б.Б. Джапарова

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ТОЛКОВАНИИ. ПРОБЛЕМА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ПОМЕТ

В статье рассматриваются этимологические пометы, посредством которых сообщается путь проникновения слова в тот или иной язык. Такая информация интересна своим познавательным характером, так как история заимствования в языке оказывается часто довольно сложной. На материале некоторых слов автор анализирует этимологические пометы в русских толковых словарях.

Этимологический аспект филологического толкования слова, выражающийся через этимологические пометы, является частной проблемой теории лексикографии. Обращаясь к этимологическому аспекту, мы взяли за основу следующее положение Х. Касареса: "Работа лексикографа, характеризующаяся терпеливым изучением и сопоставлением доказанных лингвистических фактов, не должна смешиваться с исследованием этимолога, никогда не свободным от фантазии. Это не означает – пусть меня поймут правильно, – что лексикограф может не знать или не учитывать результатов этимологических исследований. Скорее напротив. Так же как врач пользуется рентгеновскими снимками и анализами, которые готовят для него с максимальной достоверностью другие врачи-специалисты, в то время как он сосредотачивает все свое внимание на больном, так же, полагаю, и лексикограф должен получать из чужих рук сжатый анамнез слов" [1].

Остановимся на анализе этимологического аспекта в толковании русских слов тюркского происхождения. Этимологическая справка дается чаще всего через соответствующие пометы, которые, не являясь важным компонентом толкования слова, существенно дополняют его. Однако не все словари используют такие пометы. Так, Словарь русского языка С.И. Ожегова полностью отказался от этимологических помет, отсутствие которых, на наш взгляд, лишает слово полной информации. Правда, изредка этимологические сведения содержатся непосредственно в описании заимствованных слов. Это предположение будет справедливо по отношению к заимствованию акын для толкования в Словаре Ожегова и второго издания Словаря русского языка, где четко указываются народы, которым принадлежит данное понятие: Народный поэт-импровизатор и певец у казахов, кыргызов [Ож.:24, 12:31] [2]. О принадлежности данного понятия казахам и кыргызам писал в свое время выдающийся лексикограф К.К. Юдахин: "Термин акын в настоящее время употребляют казахи и кыргызы, причем значение его несколько расплывчато: сохраняя старое значение – певец-импровизатор, этот термин приобрел новое значение – поэт в современном смысле слова" [3]. К сожалению, первое издание Словаря русского языка и Словарь иностранных слов не учли этих соображений и дали в толковании "Народный поэт-импровизатор и певец у казахов, кыргызов и некоторых других народов" [1:21, Сл.ин.сл.9:25] лишнее указание: "и некоторых других народов". Пример со словом акын ярко показывает ненужность таких неточных указаний в толкованиях.

Однако не всегда такое толкование может заменить этимологические пометы, посредством которых сообщается путь проникновения слова в русский язык. Хотя указание языка-источника не столь уж важно для словаря, нам кажется, что толковый словарь является единственным универсальным справочником о слове. Здесь должна сосредоточиться вся лексическая информация. Такая информация интересна своим познавательным характером, так как история заимствований в русском языке часто оказывается весьма сложной. С этим связана необходимость различения понятий "прямое заимствование" и "косвенное заимствование". Разграничение прямого заимствования (непосредственно из языка) и косвенного заимствования (через другой язык) обуславливает, в свою очередь, различие "языка-источника" и "языка-посредника". Слово иногда может существовать долгое время в языке-посреднике, прежде чем попасть в заимствующий язык, подвергнуться существенным формальным и семантическим изменениям, в результате чего, попадая в заимствующий язык, слово как формально, так и семантически может больше отражать особенности языка-

посредника, чем языка-источника. Глубокая ассимиляция слов произошла и в тюркских языках, явившихся посредниками для многих заимствований в русском языке. Учитывая тот факт, что роль языка-посредника (тюркского) нельзя сводить к роли временного "моста" между отдаленным источником слова и языком заимствующим, вслед за многими исследователями (Н.К. Дмитриевым, И.Г. Добродомовым, К.Р. Бабаевым, А. Жаримбетовым и др.) мы называем языком-источником именно тот язык, из которого слово было заимствовано непосредственно. Такое разграничение необходимо прежде всего для лексикологических, этимологических и других изысканий. В лексикографической же практике важно точно и четко показать путь попадания слова в русский язык. В связи с этим следует остановиться на двух факторах.

Во-первых, словари очень редко используют сложные пометы, показывающие путь слова через разные языки типа "тюрк. из араб.", "тюрк. из перс.". Лишь в единичных случаях словари воспользовались возможностью дать более подробную этимологическую справку посредством таких сложных помет. Например, Словарь русского языка указал происхождение слова чинара, дав сложную помету "тюрк. из перс.", а Словарь иностранных слов при этнографизме рахат-лукум дал сложную помету "тюрк. из араб." [4].

Во-вторых, очень редко словари заменяют общую маловыразительную помету "тюрк." на указание конкретного тюркского языка, из которого непосредственно заимствовалось слово. По всей вероятности, используя достижения современной и исторической лексикологии и этимологии, можно дать максимально точную информацию о происхождении слова в русском языке.

В целом же словари ограничиваются общей пометой "тюрк.". Необходимо заметить, что иначе дело обстоит со словами, заимствованными из европейских языков. Здесь словари четко указывают конкретный язык-источник. Такое положение должно быть, по нашему мнению, и у слов тюркского происхождения, независимо от отдаленности источника. Конечно, при этом нельзя не учитывать того, что близость структуры языков тюркской группы не всегда позволяет точно определить источник заимствования, но, когда есть этимологические исследования, раскрывающие историю того или иного заимствованного слова, толковые словари русского языка по возможности должны использовать данные этих исследований.

Обращение к специальным этимологическим изысканиям показало, что мнения исследователей относительно происхождения того или иного слова часто расходятся, более того, иногда мнение одного полностью исключает положение, выдвинутое другим. Для примера сравним этимологические толкования этнографизма малахай, данные в работах Т.Д. Беркович и Т.А. Мудрой. Т.Д. Беркович считает, что "Русские познакомились с названием малахай на территории Восточной Сибири, а непосредственным источником его распространения была Юго-Восточная Сибирь и Забайкалье, где жили народности маньчжурской и монгольской языковых групп. Наличие этого слова в тюркских языках (телеут. малаккай, уйгур. малихай, тат., каз., чуваш. малахай - " меховая шапка"), очевидно, обязано русскому посредству. Головной убор типа малахая, очень удобный в степи при буранах, известен с глубокой древности у степных кочевников – скотоводов и имеет свои названия в разных языках – башк. колаксын, казах. тумак (тымак)" [5]. Напротив, Т.А. Мудрая считает, что "Русское слово малахай – монголизм, заимствованный через посредство тюркских языков. В

тюркских языках находим орхоно-енисейское малгай, телеут. малаккай, татарское малахай, казахское малахай, каракалпакское малахай, уйгурское малихай и чувашское малахай " меховая шапка с наушниками". Таким образом, на звуковом облике слова малахай сказались тюркское влияние, благодаря которому старомонгольское малахай ("шапка") сов. монг. малга(й) было заимствовано в виде малахай: форма русского слова повторяет тюркскую форму малахай и лишь в отдельных случаях – монгольскую (хотя возможна метатеза русского малахай в диалектах: см. астраханский - малахай, махлан, арх. малахай, махлай, махлак)" [6].

Подобные ситуации, возникающие в выяснении происхождения слова, предполагают напряженную работу лексикографов, выбор ими наиболее правильной и аргументированной этимологии. По-видимому, именно такие ситуации часто становятся причиной разноречивых помет. Так, Словарь Ушакова и Семнадцатитомный словарь русского языка ограничились этимологической пометой для слова малахай, проясняющей лишь один из начальных источников заимствования – калмыцкий язык. Мы же полагаем, что справедлива этимология Т.А. Мудрой о том, что лексема малахай попала в русский язык из монгольского при активном содействии тюркских языков. О принадлежности этого слова некоторым тюркам свидетельствует иллюстрация:

"Тут были татары и башкиры в серых войлочных зипунах и меховых бараньих треугольных шапках, или малахаях". Ф.М. Решетников. Где лучше? [6:552]/

Лексема кумыс имеет интересную историю попадания в русский язык. Словарь Ушакова считает это слово татарским заимствованием, остальные словари ограничились неконкретной пометой "тюрк." Н.К. Дмитриев считает, что это слово "могло быть заимствовано в первую очередь из кыпчакско-тюркских языков, для которых это понятие и термин являются органическими: казахское, кыргызское, татарское кымыз, башкирское кымыз. Везде это слово звучит как кымыз: форма кумыс – результат русского искажения. Употребление кумыса связано с кочевым скотоводческим бытом" [7]. Вероятно, здесь следует внести поправку: форма кумыс вовсе не результат русского искажения, а звук –ы- в соседстве с губным согласным приобретает лабиализацию на тюркской почве, т.е. –ы- - переходит в –у-. Н.Г. Самсонов считает это слово якутским заимствованием: "Кумыс издавна был любимым напитком якутов. В результате постоянного общения и обмена русскими были заимствованы из якутского языка такие слова, относящиеся к продуктам питания и напиткам, как хаан, субай ..., кумыс, ..." [8]. Такое утверждение не может быть принято, так как слово кумыс зафиксировано русскими памятниками довольно давно, еще с половецких времен, т.е. гораздо раньше, чем русские стали контактировать с якутами. Широкою же известностью слово и реалия получили, вероятно, благодаря активному контакту русских с башкирами и татарами, а для башкир кумыс является по сей день самым популярным напитком, примером могут служить кумысолечебницы, существующие в Башкирии. Мы можем только предположить, что процесс заимствования в Якутии мог быть параллельным.

Толковые словари русского языка снабдили слово айва неконкретной пометой "тюрк.". Этимологические словари производят это слово из турецкого языка, считая, что лексема айва могла быть заимствована только в Крыму. Н.К. Дмитриев писал: "... сомнительно, чтобы русские получили айву из Турции, поскольку она была самым обычным продуктом Крымского полуострова" [9]. Справедливость этих слов подтверждается следующими соображениями А. Жаримбетова: "По указанию

исследователей географии растений, родиной культурной айвы считается Кавказ. С Кавказа айва распространилась в Малую Азию, оттуда в Грецию и далее в Рим. А на севере айва проникла с Кавказа в Крым, в южную Россию и на Украину. А в Среднюю Азию айва переходит не с Кавказа, а в древности из северного Ирана. Поэтому можно предположить, что древнетюрк. название айвы awja сохранилось лишь в тюркских языках Кавказа, а в остальных языках др.тюрк. awja не было распространено или же вытеснено персидским названием айвы ben. А современное чувашское, башкирское айва является заимствованием из русского языка" [10].

Интересно проследить за указанием в словарях языка-источника, из которого пришло в русский язык слово саксаул: "Род деревьев или кустарников сем. маревых, растущих в солончаковых и песчаных пустынях Средней Азии; разводят для закрепления песков, древесина идет на топливо и мелкие столярные изделия" [Сл.ин.сл.9:441]. Мнения составителей разделились: Большой и Малый академические словари, Словарь Ушакова дают конкретную помету – "казах". Специальные исследования показали, что такая конкретизация языка-источника не соответствует действительности: "Нетрудно установить территорию заимствования слова, ибо само деревце саксаул произрастает в пустынной зоне Казахстана и Средней Азии. И сходные названия находим в тюркских языках данных территорий. Однако по фонетическому облику русского саксаул более предпочтительно указать в качестве источника на узбекское саксаул, татарское саксаул, тогда как казахское сексеул, каракалпакское – сексеул, киргизское сексеул – тоже не могли дать форму саксаул. Поэтому нельзя согласиться с мнением Фасмера о заимствовании из казахского сексеул" [11].

История тюркизма кендырь: "Многолетнее волокнистое растение из семейства кутровых" [5:924] показательна и типична для названий травянистых растений тюркского происхождения. Большинство заимствований, называющих различные виды травянистых растений, сопровождается общей пометой "тюрк.". По-видимому, определить конкретный язык-источник не всегда представляется возможным ввиду широкого распространения слова в тюркских языках и фонетической близости его вариантов. Да и вряд ли были бы оправданы поиски единого языка-источника в данном случае, потому что, очевидно, для каждого русского говора, заимствовавшего это слово, источником служил бы ближайший тюркский язык или диалект. Так, слово кендырь заимствовано из тюркских языков: азербайджанского кендир "пенька, конопля", туркменского кендир "конопля", кумыкского, балк.кендир "конопля". Слово широко распространено в тюркских языках. На наш взгляд, неправильно указание М. Фасмера на тур. kändir по экстралингвистическим соображениям, а на татарское kindär – по фонетическим причинам: при заимствовании из татарского источника следовало бы ожидать в начальном слоге звук –и- вместо –е-. Это слово широко встречается в говорах, для которых источником заимствования стал тот или иной тюркский язык, например, для сибирских диалектов можно указать на тел., леб., шорск., тар., чулым. Kändir – конопля, лен, кендырь могло быть заимствовано из казахского, каракалпакского кендир "конопля" [12].

Заимствование беркут обозначает: "Хищная птица семейства ястребиных" [1:90] и сопровождается в словарях общей пометой "тюрк." Н.К. Дмитриев считает, что так как "беркут – основной представитель киргизской степной фауны и соколиная охота – национальное занятие именно киргизов", то русское беркут восходит в киргизское бүркүт, казахское буркут" [13]. В противовес этому мнению этимологический словарь

МГУ придерживается версии о татарском заимствовании на основании того, что ударение в кыргызском и казахском языках стоит в конце, хотя тюркская акцентуация предполагает ударение на конце и в татарском языке. Вероятно, последнее предположение будет верно с некоторыми уточнениями. Татарское слово бөркөт фонетически ближе к русскому беркут, чем кыргызское бүркүт и казахское буркут (ср. жемчүг со сходной акцентологией). Думается, эти соображения дают достаточно оснований для замены общей пометы "тюрк." в словарях на конкретную "татар." [14].

К сожалению, словари достаточно часто необоснованно снабжают общей пометой "тюрк." многие заимствования даже тогда, когда есть вполне аргументированные и серьезные исследования ученых-этимологов. Так, например, словари не учли этимологических изысканий Н.К. Дмитриева, считавшего, что фонетическая сторона русского слова архалук ("х" вместо "к" и "у" вместо "ы") совершенно ясно указывает на то, что оно заимствовано из азербайджанского языка, где имеет абсолютно то же значение, что и в русском языке [15].

В толковании этнографизма кунак оговаривается кавказская семантика этого слова, однако толковые словари ограничились относительно его происхождения общей пометой "тюрк.". Лишь Словарь Ушакова, наряду с такой пометой пытается конкретизировать еще и пометой "тат.". Вероятно, это уточнение более всего близко к действительности, поскольку гласный -у- в первом слоге имеет казанско-татарскую огласовку кунак (ср.тур. конак, азерб. гонак), хотя семантика остается кавказской, что подтверждается приведенными в словарях текстами из произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, описывающих Кавказ:

"Тебе я буду сын и друг,
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей приверженный супруг".

А.С. Пушкин. Тазит. [5:1838]

"-У меня в доме, - сказал Садо, - моему кунаку, пока я жив, никто ничего не сделает". Л. Толстой. Хаджи-Мурат. [5:1838].

Специальные исследования показали, что классики русской литературы, как правило, использовали это слово в целях художественной стилизации: "Кавказское слово "кунак" мы встречаем у Пушкина только в произведениях о Кавказе. Сам поэт в примечании к "Кавказскому пленнику" пишет: "Кунак (т.е. приятель, знакомец) отвечает за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую середину кабардинских гор". Русские параллели "друг" и "приятель" встречаем у А.С. Пушкина соответственно 978 раз и 115 раз в самых различных произведениях" [16]. А кунак встретилось 4 раза: один раз в "Кавказском пленнике" и три раза в "Тазите" [17].

Таким образом, составители толковых словарей русского языка для этимологической справки анализируемых слов в основном используют общую маловыразительную помету "тюрк.". В некоторых случаях в словарях сделана попытка конкретизировать язык-источник: в них указан конкретный язык из тюркской группы, например, "татар.", "алтайск.", "казах." и т.д. Иногда словари ограничиваются указанием отдаленного языка-источника через пометы "араб.", "перс.", "монг." и др. Очень редко используются сложные пометы, которые четко показывают путь проникновения заимствования в русский язык, например, "тюрк.из перс.", "алтайск. из монг." и др.

Анализ этимологических помет в толковых словарях русского языка позволил сделать вывод о том, что не всегда учитываются данные этимологических словарей, а также специальных исследований, в которых подробно излагается история происхождения того или иного заимствованного слова в русском языке. Такое положение приводит к тому, что в трактовке часто неправильно указывается этимология заимствования. Так, когда есть возможность и основание конкретизировать этимологическую помету, словари ограничиваются общей пометой "тюрк.", и, наоборот, не всегда конкретная помета, данная словарями, соответствует действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касафес Х. Введение в современную лексикографию. –М., 1958. –С.46.
2. Здесь и далее при цитировании словарей приняты следующие условные обозначения. На материалы семнадцатитомного словаря русского языка 1948-1965 гг. дается лишь указание арабскими цифрами на том и столбец (без специального указания на сам словарь); аналогичным же образом ссылки на четырехтомный словарь русского языка состоят из указания на том (римскими цифрами) и страницу (арабскими), для второго издания римская цифра указания на том снабжается индексом "2". Ссылки на "Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова снабжены сокращением Уш. с указанием тома римскими цифрами и столбца арабскими. При ссылке на Словарь иностранных слов (Сл.ин.сл.) индекс указывает на издание, а цифры – на страницу.
3. Юдахин К.К. О кыргызском термине акын /Сборник статей В.А. Гордлевского в день его 75-летия. –М., 1953. –С.324.
4. Под термином этнографизм мы понимаем слова, которые обозначают предметы и явления, характерные для быта, культуры и религии других народов.
5. Беркович Т.Л. Формирование тематической группы "головные уборы" в русском языке (XI-XXвв.). –М., 1981. –С. 64-66.
6. Мудрая Т.А. Проблемы этимологизации этнографической лексики (на материале названий головных уборов). –М., 1983. Кандидатская диссертация. –С. 139-241.
7. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря /Н.К. Дмитриев. Строй тюркских языков. –М., 1962. –С.39.
8. Самсонов Н.Г. Русский язык в Якутии. –Якутск, 1982. –С.123.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. –М., 1935. –Т.3. –С.111.
10. Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. –Нукус, 1980. –С.81.
11. Там же. –С.39.
12. Там же. –С.122-123.
13. Дмитриев Н.К. Указ. соч. –С.529.
14. Добродомов И.Г. О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (к истории слова жемчуг). –ИСЛЯ, 1966. –Т.25. –Вып. 1. –С.57-64.